

(НЕ)ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ К ИСКУССТВУ

Вечер памяти Е. Харитонова в ЦДЛ 8 ноября 1993 года

Александр Панов

Деграданс

«Зачем вы их позвали?!.. Ведь они же — гомосексуалисты!!»

Е. Харитонов
(Из статьи Олега Дарка «Голубой»)

СОБЫТИЕ. Однозначно. Уже оттого только, что стены ре-спектабельного Дома литераторов давно не помнили такого напыления зрителей. На вроде бы заурядный «литературный вечер» с вполне пристойным поводом — выход в свет книжки покойного и не оцененного при жизни писателя: что-то до слез знакомое и уже ушедших в прошлое активно-перестроечных времен. В те «баснословные года», предмет сентиментального вздрагивания для моего поколения, единственно возможной реальностью оказалось в пионерской тесноте открывание терпкого вкуса запретных плодов, когда вдруг стало «можно», когда русский андеграунд, как восточная красавица, осмелился явить свой драгоценный лик. Но теперь, когда в Москве умер последний праздник Великой Эпохи и не замечено слез прощания... Вечером 8 ноября, превратившись в обыкновенный вечер нерабочего дня, — стоять в огромной гардеробной очереди в туто набитом людьми предбаннике Дома литераторов. На вечере памяти «непечатного писателя». Как в добрые старые времена. От трогательных воспоминаний становилось тепло и радостно. Поэтому уже событие.

Событие еще и «в холодном вышем смысле», говоря словами виновника торжества. Представительного и, по сути, первого издания (не считая самиздатских) дождался не просто последний обделенный из когорты ныне заматеревших классиков андеграунда, выпустивших уже не одну книжку и сегодня превратившихся в новый официоз, но

морде. Поэтому я повторяю — «грохнуло», «просияло», «повеяло», но боюсь, что не услышат, не увидят и не учуют. Повод к опасениям дает само роскошество ЦДЛовского вечера и поразительное развитие событий после описанного начала.

1. Та самая публика, толпы кажущихся поклонников изящной словесности, вызвавших ностальгические чувства и создавших праздничную атмосферу, толпы шли (пришли и получили полное удовлетворение) или на Виктюка (если не сказать, мальчика — исполнителя главной роли в новом «бестселлере» мэтра), или на тему харитоновского творчества, с которой, казалось бы, гораздо лучше справляется «Тема»-газета.

Виктюк показал финал уже шумевшей «Рогатки». Трогательного спектакля по традиционной «чернушной», в меру облагороженной Романом Григорьевичем пьесе Н. Коляды, представителя молодого поколения в вечно юном искусстве социалистического реализма. Сопливая смазь расставания героев под вездесущее «Show must go on» — посильное приношение Харитонову. («Заход в поп-культуру. Сколько раз я мечтал туда зайти», — вздохнул бы он. Как бы нам оттуда выйти.). Маковецкий и Бозин проходят на ура, публика неистовствует... и почти вся покидает зал после окончания чарующего действия. Вслед за Романом и его командой.

«Рогатка» впервые откровенно гомосексуальна (без всякого эстетского камуфляжа) — и это главное и единственное ее достоинство. И единственная точка пересечения с прозой Харитонова.

Проза Харитонова не менее откровенно гомосексуальна, но это — не главное и не единственное ее достоинство. Не выдадим и не чувствуем еще и иного в ней, ждущим лишь запретных удовольствий, — читать Харитонова себе дороже. Для вас, господа, есть «Рогатка», простенько и со вкусом, и

ген, впервые за два часа заговорив о Харитонове-писателе. Этого тонкие души зрителей уже не вынесли, неизвестно только, чего больше — оскорбления в лучших чувствах, отнятия любимого секс-символа или очень «сурьезных» слов. Светлана Юрьевна была с позором изгнана со сцены. Публика веселилась и торжествовала. Еще одной жертвой стал Игорь Яркевич, оборванный на полуслове. Так что литературе в Доме литераторов приходилось туго.

Дух тусовки, всюду проникающий ныне, тлетворный и жестокий в своей бессмысленности, превращающий всякие слова в нелепое бормотанье разгара застолья, победил и на сей раз. К сожалению, но без участия г-на Могутина, который достоин благодарности за свои старания по публикации Харитонова, однако за ведение вечера ему — «а-а-а», как писал Харитонов. Тусовка есть тусовка, и тусовка голубая ничуть не приятнее тусовки натуралов.

Дело не в том, легким и веселым или монотонно-серьезным должен быть вечер памяти Евгения Харитонова, писателя одновременно трагического и дерзко-эпатажного. Меня не покидает ощущение вхолостую проведенного времени и почти полного отсутствия харитоновского духа. Даже для близких ему людей Харитонов остается загадкой, не поддающейся осмыслению. «Как, тот, с кем курили, хохмили и матерились — и вдруг гений?!»

Харитонов — удивительный талант, отжившийся на самые дерзновенные эксперименты, испытывая литературу на прочность искренностью чувств и неостывшей корявостью живого слова, повторять сумасшедшие розановские опыты. Поэтому несколько скандальное выяснение, был ли Харитонов голубым или сознательно играл эту роль, становится не слишком праздным (хотя принципиально несущественным) делом, если в этой вывихнутой форме вдруг напоминает о художественной природе харитоновских текстов, если заставляет вспомнить об искусстве Харитонова-писателя. Элитарный писатель для гурманов, пусть лучше он останется в привычном ему подполье, чем будет растиражирован как дежурный поэт голубой тусовки. Опасность такого утилитарного употребления, в духе проклятой эстетики Чернышевского, есть. Цена этому — невосребованность в полной мере потрясающего дара Харитонова, оставляющего его «непечатным писателем» при вышедшем духотном собрании сочинений.

На ЦДЛовский вечер Евгения Харитонова можно взглянуть по-разному: субъективность как метод осмысления действительности вещь возможная и даже любопытная, в особенности если учесть, что и сама концепция его организаторов грешила субъективизмом — «духом тусовки», как назвал это автор статьи. Но что самое интересное — вычленив и определив явление, он и сам не избежал того же: дух тусовки (только другой) веял и над ним, поэтому, тонко уловив искажение харитоновского образа на совете некой стаи, он тут же сам взглянул на происходящее через кривое стекло субъективизма, придав выступлению Светланы Беляевой-Конеген и Игоря Яркевича поразительную для него концептуальную ценность и отругав зал за неспособность слушать «очень сурьезные» слова. С нашей скромной точки зрения, реакция на выступление Беляевой-Конеген была запрограммирована с самого начала, как была запрограммирована когда-то реакция на чтение небезызвестного «Mergsi», и то, что оратор не способен эту реакцию предвидеть, говорит скорее об ограниченности его личного критического восприятия, нежели о невоспитанности публики. Из того же протеста и «жалостливые слезы» в адрес «оборванного на полуслове» писателя Яркевича, который в действительности на удивление бестактно — после почти нечленораздельного пассажа о самом себе — предложил «минуту молчания» в память Харитонова, а затем еще более бестактно объявил чтение собственного рассказа, что, естественно, окончательно добило «чужую тусовку».

От отдела культуры — Фарид ИЗЮМОВ

«Звезда» вечера Нина Сагур.

Фото Дмитрия Шолганова.

один из самых (если не самый) талантливых и уникальных писателей. Гениальный русский писатель Евгений Харитонов. К которому слава пришла слишком поздно, а первый литературный вечер состоялся через 12 лет после смерти. Случай по нынешним временам захватанности и омовения крокодильими слезами всех и вся действительно редкий. Харитонов словно держали в запасе, с 88-го года маленькими гурманскими порциями начав выдавать наружу, на свет. И еще пять лет продолжали в таком полуподполье, чтобы сегодня, на полном литературном безрыбье, в гулкой пустоте нынешней «литературной жизни», грохнуло на полную мощь, чтобы в воздухе повеяло свежестью и неподдельностью таланта. Поэтому событие. Однозначно.

Событие, обставленное со всем возможным роскошеством — солидность Большого зала ЦДЛ, помноженная на блистательность имен тех, кто почтил своим присутствием уважаемое собрание: Роман Виктюк со товарищи, Сергей Александрович Соловьев, только что вернувшийся с похорон великого Феллини, звезда эстрады Ефим Шифрин, по совместительству поэт и выученик Харитонова. А также отдельные представители литературной общественности. Огромное скопление народа, телевизионные камеры, свет софитов. Торжество справедливости!

Моя профессия — вечное, недовольное брюзжание, за которое в приличном обществе бьют по

вы это понимаете, уходя из зала вслед за юной звездой с исцарапанными ногами. Праздник окончился со словами «Show must go on». Зал полуопустел. Оставшиеся стойкие «мушкетеры» ожидали темы и третируют выступающих.

Харитонов пал жертвой русского гомосексуализма, оставшись неуслышанным во всей своей глубине и полифоничности.

2. А что же выступающие?! Ни библиографические справки Н. Климонтовича (к слову сказать, автора действительно прекрасной эссе о Харитонове), ни заклинания С. Соловьева, признавшегося, что до последней поездки в Италию на похороны Феллини, где оказалось много свободного времени, он прозы Харитонова не читал, ни сумбузные мемуары В. Беляковича не работают на харитоновский образ, не приближают к нему, ничего не объясняют в уникальном писательском даре. Тиражируемые из года в год напыщенные пошлости Виктюка о любви, Боге, андрогинах и конфликте с обществом к Харитонову имеют такое же отношение, как поделка Коляды — к первоклассной харитоновской прозе.

Подлинно замечательной была речь-игра Нины Сагур, построенная и исполненная драматургически чисто и весело. Именно Сагур решила на первую оплеуху томному залу, вдруг объявив о мнимости харитоновского гомосексуализма, по крайней мере о наивности его. Эту мысль подхватила Светлана Беляева-Коне-